

Жан-Пьер Винтер

БУДУЩЕЕ ОТЦА

Как изменится его место
в семье и обществе?

Жан-Пьер Винтер

**Будущее отца. Как изменится
его место в семье и обществе?**

«Когито-Центр»

2019

УДК 159.9
ББК 88

Винтер Ж.

Будущее отца. Как изменится его место в семье и обществе? /
Ж. Винтер — «Когито-Центр», 2019

ISBN 978-5-89353-608-9

С завершением западного классического патриархата позиция отца в семье радикально изменилась, как и его «ролевое отцовское поведение». Появилось огромное количество семей с одним родителем, и отныне, чтобы родить ребенка, женщина уже не нуждается в физической встрече с мужчиной. Как отразится этот переворот на филиации и на будущих поколениях? Не пострадают ли от него мужчины, а также дети и женщины? Психоаналитик Жан-Пьер Винтер приглашает поразмыслить над этими вопросами в мире, отмеченном исчезновением отца. Автор напоминает, что «место отца» — это не только место маскулинной фигуры воспитателя, и обрисовывает возможные функции отца в современном обществе. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-89353-608-9

© Винтер Ж., 2019
© Когито-Центр, 2019

Содержание

Пролог	6
Первая часть	10
1. «Страшные сады», или амбивалентность	11
Почему именно эта книга?	11
Рассказ	11
Униженный отец	13
Вторжение комического	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Жан-Пьер Винтер

Будущее отца: Как изменится его место в семье и обществе?

Ариане, Иззи, Жозефу и Базилу

Издание осуществлено в рамках Программ содействия издательскому делу при поддержке Французского института Cet ouvrage a beneficie du soutien des Programmes d'aide a la publication de l'Institut frangais

Jean-Pierre Winter
En collaboration avec Daniele Levy

L'AVENIR DU PERE
Reinventer sa place?

Suivi de Entre
l'éthique et la pratique
de *Gemma Durand*

Albin Michel

Приложение Джемма Дюран
Между этикой и практикой

Перевод с французского
Эльвира Дюбуа

Будущее отца: Как изменится его место в семье и обществе? /Винтер Жан-Пьер, Пер.
с фр. – М.: Когито-Центр, 2021

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

© Editions Albin Michel – Paris, 2019 Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates © Когито-Центр, перевод на русский язык, 2021

Пролог

Основополагающий миф

Что мы понимаем под словом «отец»? Каков отец сегодня? Есть ли у отца будущее? Эти вопросы затрагивают множество дисциплин: социологию, историю, антропологию, экономику, политику, психологию. Психоаналитики тоже имеют свое мнение по этому вопросу, они отстаивают свою точку зрения, которая чаще всего остается плохо понятой. Эта небольшая книга – попытка разъяснить и уточнить некоторые перспективы вопроса. Должен сказать, что она представляет всего лишь один аспект проблемы.

В конце XIX века философ-провидец по имени Ницше объявил: «Бог мертв». Он предвидел целую серию тревожных изменений, которые действительно определенным образом реализовались, по крайней мере, на Западе. Это возрастающая изолированность индивидов, ожидание сверхчеловека, надежда на авторитарную, а то и тоталитарную власть. Ницше не мог предугадать в деталях то, что явственно обозначается сегодня: не только «Бог мертв», но вместе с ним по методу рикошета мертва и фигура Отца. Отцы изменились, все это видят, многим это внушает тревогу. Движемся ли мы к обществу без отцов? Может быть, мы уже стоим в нем одной ногой? Каких изменений можно ждать в связи с этим?

Тема смерти отца, или мертвого отца, не чужда психоанализу, она даже является одной из его центральных тем. Это способ обозначить некий феномен, который мы открываем в психической жизни. Шаг за шагом исследование человеческой психики подтверждает яркие интуитивные предвидения Ницше. С точки зрения бессознательного отец как таковой действительно может исполнить свою функцию только в качестве «мертвого» отца, к тому же мертвого «уже целую вечность».

Как понимать это парадоксальное утверждение, авторство которого принадлежит Фрейду? Для этого нужно вспомнить, как он к нему пришел. Представим краткую историю того, как возник этот концепт, принимая во внимание сегодняшний уровень знаний по психоанализу.

В 1900-е годы Фрейд был известен как венский доктор, лечивший болезни, называемые «нервными», потому что медицина того времени не могла определить их внятные причины. Фрейду пришла в голову идея – нелепая для той эпохи и все еще зачастую плохо понимаемая сегодня – дать «выговориться» своим пациентам. Он довольствовался тем, что слушал их, не выписывая при этом никаких лекарств, и предлагал им вернуться к беседе в следующий раз, как бы только для того, чтобы услышать «продолжение». Слово пациента таким образом стало интересным само по себе. Большинство спонтанно начинало рассказывать о своей жизни, периодически возвращаясь к ее болезненным эпизодам или к определенным аспектам своей жизненной ситуации.

Это видимое отсутствие метода имело неожиданные последствия: с одной стороны, патологии затухали или исчезали, как будто их никогда и не существовало. В то же время менялся дискурс пациентов, и не только дискурс. Они менялись сами, и происходило это в той мере, в какой «освобождалось» их «слово». Имея зачастую сложный жизненный опыт, составленный из «несчастных случаев», пациенты эволюционировали, менялось их поведение и их позиционирование в жизни.

Отмечались также флуктуации в их отношении к доктору. В целом эти метаморфозы свидетельствовали о том, что они начинали лучше осознавать как окружающую их реальную жизнь, так и их собственную реальность. Фрейд приписал эти изменения в самоощущении своих пациентов некоему феномену, который он назвал «психической реальностью». Процесс

«освобождения» слова, поток речи пациента, обращенный к тому, кто его терпеливо слушает, – все это позволяло пациентам лучше осознать то, кем они являются, и то, что их окружает.

Как объяснить эти феномены, в которые трудно поверить? Пришлось громоздить гипотезы, проверять их на нормальных людях, не имеющих невроза, потом с накоплением материала и опыта их модифицировать. Именно этому подходу, когда клиническая картина строится с помощью теоретических концептуализаций, нуждающихся в постоянном переосмыслении, мы и обязаны рождением психоанализа.

* * *

В процессе подобной работы возникли вопросы, касающиеся определения места родителей. Казалось, что людям так никогда и не суждено выбраться из сложных запутанных отношений со своими родителями, с матерью – с одной стороны и с отцом – с другой, с родительской парой в целом и вообще из отношений между различными действующими лицами семьи. Каково место ребенка в этих отношениях? Как существовать внутри этого родительского узла и как существовать вне его?

Загадка, которая интриговала Фрейда больше всего – это место и роль отца в жизни ребенка. В психической жизни пациентов этот персонаж, похоже, сильно отличается от того человека, каким является их реальный отец, или папа, если таковой существует. Внимание Фрейда привлек тот факт, что его пациентов неотступно преследовал вопрос смерти отца. Желание его смерти, иногда даже открытое, всегда вызывало интенсивное переживание чувства вины, которое признавалось или отрицалось пациентом. Но когда эта смерть действительно наступала, большинство не верили в нее до конца. Фигура отца по-прежнему присутствовала в их воображении. Почему некоторых людей постоянно преследует мысль об отце – они все время боятся, что он умрет, или же боятся его убить и при этом чувствуют, что либо соперничают с ним, либо находятся в его подчинении? Есть и такие, которые буквально посвящают себя отцу в неиссякаемой надежде завоевать его любовь. Во всех случаях независимо от того, выражается ли привязанность к отцу как ненависть или как безнадежная любовь, она кажется безграничной. Таким образом, Фрейду было над чем поразмышлять, и эта интрига держала его в постоянном умственном напряжении.

* * *

Фрейд увидел иллюстрацию этой проблематики в мифе, описанном Дарвином и другими антропологами, что помогло ему осмыслить то, что он наблюдал в своей практике и что его интриговало. В образной системе этого мифа присутствовали все отличительные аспекты фрейдовского психоаналитического опыта: навязчивые идеи смерти и любви, ревность и вина, восхищение и горечь, а также признание того, что отец никуда не исчезает, и его присутствие становится еще более явным именно после его смерти.

Мифы – это не только занятные истории. Они иллюстрируют то, что мы не можем выразить словами. Эти воображаемые истории объясняют нашу реальность, рассказывая о том, что «будто бы произошло» в самом начале нашей цивилизации. Не считая сложных современных теорий, только мифам удастся подвести нас к осознанию того, что недоступно нашему пониманию, настолько это сложно и противоречиво. Мифы позволяют осознать то, что иначе осознать невозможно.

* * *

Миф, найденный Фрейдом у Дарвина, объясняет структуру общества в начальный период человечества. Фрейд излагает свою версию этого мифа в работе 1913 года под названием «Тотем и табу». Он дает новую интерпретацию дарвиновскому мифу в свете того, что мог констатировать у своих современников. Вот резюме того, как он «реконструирует» эпоху примитивного человечества.

Можно предположить, что в те времена существовало несколько примитивных племен, структурированных примерно одинаково, поэтому в демонстрации Фрейда речь идет только об одном племени.

Во главе такого первичного племени стоял доминирующий самец, самый сильный и, без сомнения, самый хитроумный из всех. Он один «наслаждался» всеми женщинами своего племени, начиная с матерей, и беспощадно расправлялся с соперниками. Он считался всемогущим, его боялись и им восхищались. В этом можно распознать не только модель животной стаи, но и некий фантазм, до сих пор присутствующий в современной жизни, публичной или частной. Фрейд называет этот эмбрион общества «примитивная орда». Орда – это еще не племя в настоящем смысле слова, потому что племя подчиняется постоянно действующему правилу и в нем четко расписаны возможности каждого.

Однажды сыновья, подталкиваемые ревностью и нежеланием попадать под руку отцу, объединились, чтобы избавиться от этого чудовища. Они сговорились между собой, возможно, по инициативе самого младшего из них и при соучастии одной из матерей. Но когда «всемогущий отец» превратился в труп, пришла очередь всем удивиться: «Он еще более велик мертвый, чем живой!» (восклицание короля Генриха III перед трупом убитого герцога де Гиза). Так и случилось. Убийство отца осталось на совести сыновей, и ужас от содеянного был так велик, что изменил образ жизни всего племени. Их обуяли смятение и тревога, ведь они разрушили порядок, которому подчинялись с самого рождения.

Тогда братья разделили между собой труп отца и решили сделать так, чтобы это больше никогда не повторялось – не повторялись всемогущество, убийство и тревога. Отсюда, согласно Дарвину и Фрейду, возникли мораль, религия, право, нравы и все, что мы обозначаем сегодня словами «жить вместе».

Однако, подчеркивает Фрейд, вопреки этой инаугуральной революции новая организация общества не уничтожила предыдущую полностью. Она всего лишь загнала ее в подсознание, то есть, согласно терминологии психоанализа, *вытеснила* ее. Фантазм отца, единолично наслаждающегося всеми женщинами и убивающего своих соперников, присутствует в психическом сознании каждого, и сегодня это так же верно, как и в бесконечно далекие времена. Он прорывается наружу при малейшем случае, каким бы ни было поведение «реального» отца.

Именно чтобы учесть эту скрытую данность, которая неизменно проявляется в психической реальности, Фрейд и ввел понятие бессознательного и стал практиковать психоанализ.

Ссылка на этот странный миф показывает, чего следует ожидать тому, кто заинтересуется психоанализом. Он окажется перед неожиданными утверждениями, в которые трудно поверить и которые часто раздражают, а иногда и просто возмущают. Тем не менее есть в них что-то такое, что звучит как отзвук правды. Эти идеи, может быть, странны, но они не бесплодны. Что бы они ни вызывали – симпатию или антипатию, в любом случае они заставляют думать. Часто они ассоциируются с воспоминаниями, вызывают в памяти эпизоды нашего собственного поведения и ведут к их переосмыслению. Удивительно видеть, какими резкими реакциями, неистовым отрицанием, гневом, сопротивлением, неверием, злой иронией это может сопровождаться. Значит ли это, что существуют нежелательные истины, с которыми трудно смириться?

Терпение... вслушаемся. Вы уже предупреждены, что то, что открывают нам опыт психоанализа и его теории, чаще всего не соответствует общепринятым идеям и понятиям, кажущимся очевидными. Есть от чего *прийти в замешательство*.

Первая часть

Фигуры отца

Нам предшествуют художники» – любил повторять Фрейд. Действительно, художникам удается прямо ухватить то, что мы, люди науки, открываем лишь наощупь, частями, посредством разных обходных путей.

Несколько фигур отца, к которым мы обратимся, чтобы приступить к нашему анализу, «увидены» и «услышаны» с точки зрения психоанализа. А раз так, то возможны некоторые сюрпризы, и не обязательно приятные. Некоторые ситуации взяты из моей клинической практики, другие из прессы; в двух случаях анализируются художественные произведения, показавшиеся мне особенно интересными. Несмотря на то, что эти две истории вдохновлены реальными событиями, способ их реконструкции в художественном произведении проливает дополнительный свет на занимающий нас вопрос: в чем и как распознается отец?

Мы проиллюстрируем вопрос о том, что такое отец в психической реальности индивида, сначала на примере современного произведения – романа Мишеля Кента «Страшные сады», вышедшего в 2000 году. Затем на примере серии «случаев» – это шесть «историй» анализантов. И в качестве заключения – углубленный анализ замечательного фильма Роберто Бенини «Жизнь прекрасна».

1. «Страшные сады», или амбивалентность

Читатель предупрежден, что с некоторыми знаниями, получаемыми с помощью психоанализа, ему будет трудно смириться. Психоанализ – это определенный способ слышать прошедшего на прием человека, принимая во внимание его бессознательное измерение. А что касается отца, то вот вывод, способный, пожалуй, разочаровать больше всего: признание того факта, что у ребенка был отец (или его не было), не зависит ни от его человеческих качеств, ни от той любви, которая была (или не была) между ребенком и его отцом. Здесь важно другое.

Почему именно эта книга?

Существует множество произведений, рассказывающих об отношениях отца и сына. Эта тема побудила меня обратиться к небольшому роману Мишеля Кента «Страшные сады»¹, название которого происходит от следующих строчек поэмы Аполлинера «Каллиграммы»:

И как трогательны гранаты
В наших страшных садах.

«Каллиграммы» появились на свет между 1913 и 1916 годами и имеют подзаголовок «Поэмы мира и войны». Аполлинер умер в 1918 году: его *сады* – это поле битвы. Мишель Кент посвятил роман своему деду – шахтеру, воевавшему под Верденом, и своему отцу, школьному учителю, участнику Сопротивления. Параллельно с реальной историей, происшедшей в годы Второй мировой войны, я увидел в этой книге – в чистом, беспримесном виде – отношение сына к отцу, его взгляд на отца. Это история мальчика, который стыдился своего отца, и того, что случилось потом.

Рассказ

Отец мальчика, учитель, изображал клоуна на семейных и школьных праздниках. Добровольно взяв на себя обязанность участвовать во всех мероприятиях городка, он посвящал этому все свои выходные, а также неизменно приводил на них свою семью – жену и двух сыновей. Семье, казалось, это нравилось, за исключением одного из сыновей, рассказчика, который буквально умирал от стыда. Каждый раз он старался показать, что не имеет ничего общего с этим отцом-клоуном, раскрашенным, с красным носом, с зелеными волосами, который к тому же так плохо играл!

В один прекрасный день один из кузенов отца зовет их в кино на фильм о войне под названием «Мост». Имея свою семью, этот человек тем не менее приходит к ним каждое воскресенье обедать, и кажется непонятным, почему он так часто обретается у них. Подросток догадывается, что этот фильм, рассказывающий о героических эпизодах Второй мировой войны, должен иметь для него какое-то особое значение... И действительно, выйдя из кино, кузен отводит его в сторону со словами: «Я должен тебе рассказать одну историю». И вот что он рассказывает:

«Во время войны мы с твоим отцом уже были друзьями. Мы были молоды и хотели немного поучаствовать в Сопротивлении, чтобы развеять скуку и чтобы не стыдно было смотреть на себя в зеркало. И вот однажды мы решили взорвать вокзальный трансформатор. Мы пошли вдвоем, не зная, удастся ли нам привести наш план в действие, с таким чувством,

¹ Quint Michel. Effroyables jardins. Edition Joelle Losfeld, 2000.

с каким играют в лотерею, уповая на удачу и благоприятное стечение обстоятельств. И вот мы взорвали трансформатор и благополучно вернулись домой! На следующее утро, спокойно выпавшись, мы были заняты тем, что расставляли в подвале банки с вареньем, и тут вдруг приходят немцы и приказывают нам следовать за ними. Мы трясемся от страха, думая, что они знают, что это мы взорвали трансформатор, но скоро понимаем, что они этого не знают. Они просто арестовали нас и держат.

И вот нас с твоим отцом и еще двоих держат в большой яме, а мокрая глина скользит под ногами, и мы не можем оттуда выбраться, даже встав один другому на плечи. Им не нужен был даже часовой, чтобы охранять нас!

Но на следующее утро над нашими головами появляется охранник, он усаживается на краю ямы и свешивает ноги. Он пытается достать из кармана бутерброд, потом еще несколько бутербродов, делая вид, что у него не получается, потом бросает их в воздух, неуклюже ловит, дует в свое ружье, как будто в трубу. Издевается он над нами, что ли?

Потом он начинает ронять на нас бутерброды, как будто по неосторожности, и мы понимаем наконец, что он принес их специально для нас».

Далее кузен рассказывает, что после того, как им удалось чудом спастись в этих чрезвычайных обстоятельствах от смерти, они узнали, что этот человек пытался скрасить их последние часы перед казнью и что в гражданской жизни он был профессиональным клоуном. Он немного говорил по-французски и, будучи клоуном, пытался дать им другую идею о жизни, чем та, которую навязывала эпоха.

В книге рассказ кузена совпадает по времени с процессом Мориса Папона. Автор говорит, что у входа в трибунал видели величественного клоуна с плохо наложенным макияжем, в странном костюме, пытавшегося проникнуть в зал дворца юстиции Бордо, но полиция его не пропустила. Говорили, что тот же самый клоун дождался выхода обвиняемого, но не подошел к нему и не пытался с ним заговорить, а только смотрел издалека. Тот же человек, но уже без клоунского одеяния, несколько раз присутствовал на судебных слушаниях и прениях. Каждый раз он ставил на колени желтый чемоданчик из потертой кожи, в котором хранил свой клоунский костюм. Один судебный пристав позже вспомнил, что он слышал слова этого человека после того, как был вынесен приговор: «Если нет истины, то откуда взяться надежде?».

Когда кузен рассказал ему эту историю, подросток наконец-то понял, почему отец *изобразил клоуна* – в память о том человеке, который спас им жизнь, им двоим.

История заканчивается тем, что этот мальчик «присваивает» историю, случившуюся с отцом, делает ее своей. В конце книги рассказчик пишет: «Завтра я подведу большими черными кругами веки, наложу на щеки белый грим, как у фальшивого покойника. Я попытаюсь, папа, быть теми, чей смех навеки заглох в том березовом лесу на рассвете – тот смех, который ты пытался воскресить, играя клоуна. Я попытаюсь быть тобой – человеком, который никогда не терял памяти. Попытаюсь как смогу. Я постараюсь быть хорошим клоуном. И может быть, я смогу быть человеком – во имя всех».

* * *

Это произведение замечательно иллюстрирует один из важнейших элементов дарвиновского мифа – *амбивалентность* отношения к отцу. Под амбивалентностью следует понимать сосуществование порыва любви и одновременно разрушительных импульсов ненависти. Эти противоположные порывы не смешиваются, подобно тому как черное и белое, смешавшись, могут окрасить жизнь в серое. Может случиться, что любовь и ненависть выразятся в одном жесте, но это смешение нестабильно. Может случиться, что позитивные и негативные чувства будут вызваны одним и тем же, но они не живут вместе долгое время. Они сменяют друг друга.

Вот для иллюстрации пример, проверенный сотни раз: мой отец соглашается одолжить мне свою машину с тысячей предупреждений и советов, что в конце концов делает его доверие ко мне относительным. Я начищаю ее снаружи и изнутри, натираю до блеска, сажусь за руль. Километр спустя я почему-то «не увидел», что у впереди идущей машины зажглись красным задние сферы... Можно объяснить это случайностью, рассеянностью, усталостью, избытком напряжения. Но что-то меня убеждает в «преднамеренности» моей неосторожности, иначе откуда это неуходящее ощущение вины и неловкости от этого дорожного происшествия – к счастью, без серьезных последствий? К тому же еще и вопрос: а кто заплатит за ремонт машины?

Амбивалентность по отношению к отцу проявляется не от случая к случаю. Она конститутивна по отношению к отцу вообще. Она не зависит от «манеры быть отцом» по отношению к сыну или дочери, мы еще вернемся к этому. Эта амбивалентность присутствует в психическом всегда независимо от того, ведет ли он себя как тиран или как его противоположность. Отца всегда легко обвинить в несправедливости, хотя бы потому, что он – большой, а ребенок начинает свое существование маленьким! Амбивалентность существует не только в чувствах и мыслях, она проявляется и в повседневной жизни – в более или менее неловких или неудачных поступках, например, в повторяющихся неудачах. Она может выражаться также «обратным» способом, в избыточном желании услужить, принося в жертву собственные интересы, чтобы быть на высоте отцовских ожиданий. Так что не стоит забывать об этой составляющей отношения к отцу, пусть даже с этим трудно жить. Ибо амбивалентность – это то, что мешает «хорошему отцу».

Униженный отец

Об отце, вызывающем насмешки, похожем на шута, на клоуна, к тому же плохо играющим, уже писали многие авторы от Дидро до Клоделя, не говоря уже о Бальзаке и Гюго. Это персонаж *униженного отца*. Драма Виктора Гюго «Король забавляется», послужившая сюжетом оперы Верди «Риголетто», является яркой тому иллюстрацией. Риголетто – это придворный шут, человек, который может безнаказанно говорить герцогу правду, потому что никто не принимает его всерьез и потому что его роль состоит в том, чтобы смешить людей. Он вдов, и у него есть единственная дочь, которую он, конечно же, обожает. Но вот девушка влюбляется в герцога, и тот ее похищает. Бедный отец пытается тайно ему отомстить, но месть его терпит фиаско. Таким образом, единственное, что ему остается, – это дивно изливать свое отчаяние в своей предсмертной арии.

У Пруста отец чаще всего отсутствует. В те редкие моменты, когда он появляется – не более четырех или пяти раз на протяжении нескольких тысяч страниц романа, – он всегда смешон, по крайней мере, в восприятии рассказчика. А отец Горио, которого обобрали собственные дочери и который умрет один в нищете, как, впрочем, и король Лир, впадающий к тому же в безумие? Старый Эдип тоже безумен.

Униженный, презираемый отец – это перевернутое отражение всемогущего Отца. Вообще обращение того или иного чувства в его противоположность – константа нашей психической жизни.

Добавим, ибо это очень важно, что такая «дисквалификация» отца заставляет страдать сына. В «Страшных садах» негодование сына следует рассматривать как выражение этого страдания. Сын не прощает своему отцу того, что тот смешон... в его, сына, глазах.

Фрейд не без причины отмечал: «Отношение к отцу в общем проходит под знаком сакральности». Близость отношения к отцу и отношения к сакральному, то есть к Богу, представляется естественной, спонтанной. Это объясняет, почему выставить отца в смешном виде кажется святотатственным.

Склонность сближать Отца и Бога не должна нас удивлять. Как подчеркивает Фрейд (лингвисты и антропологи с ним согласны), понятие сакрального всегда амбивалентно. В латинском языке одно и то же слово *sacer* означает не только сакральное, но и проклятое, ужасное. В «Энеиде» Вергилия находим выражение *auri sacra fames* – «проклятая жажда золота». Объединяет эти два противоположных понимания то, что сакральное в обоих случаях – это неприкасаемое.

Вторжение комического

Смех, комическое могут быть результатом контраста между сакральностью воли отца, ставшей бессмертной благодаря фантазму его «убийства», и жалкостью его воплощения в обыкновенном мужчине.

Смех присутствует и в основополагающем мифе нашей культуры, который мы называем Писанием. Когда посланник Бога объявляет Аврааму, что тот станет первым патриархом и что его 90-летняя жена Сарра через год родит сына, какова была ее реакция? Она смеется, потому что в это нельзя поверить. Но Бог сотворит невозможное – и обещанный сын будет назван Исааком, что означает «он смеялся». Попытка принесения Исаака в жертву – это не жертва «для смеха», ибо, после того как его жизнь была спасена в последний момент рукой Бога, мальчик и его потомки будут жить по новому закону.

Мифы находятся всегда поблизости от богов – не потому ли в них так редко смеются? Вот разве что если бог «застрянет» в человеческом теле, как это происходит в авантюрах Зевса, когда он хочет соблазнить смертных женщин. Традиционно считается, что смех присущ только человеку, но этологи говорят нам сегодня, что смеются и некоторые животные! Если не способность смеяться, то свойство видеть комичное определенно присуще только человеку.

В книге «Остроумие и его отношение к бессознательному» Фрейд говорит нам, что есть три вида комических ситуаций. Если применить их к отцу, мы получим три типа отцов, которые смешат людей: отец как *homme d'esprit*, остроумный человек; отец-комик, который выставляет себя в смешном виде, а также отец-юморист, то есть человек, делающий трагическое смешным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.